

Василий догадался, вернее почувствовал нутряным, глубинным (какими бывали иные колодцы, вырытые им) чувством что, на сей раз, скрутило его основательно...

«Не отбрехаться, не отшутиться от этой напасти, пожалуй, уже не удастся», — почти равнодушно подумал он о своей болезни.

— Хватит — пожил, — словно о постороннем негромко произнес он вслух и удивился: во-первых, тому как, за несколько дней, потишел и ослаб его голос, а, во-вторых, тому, как неожиданно гулко отозвался он в самых дальних углах просторного, почти пустого, выстуженного к утру, дома.

Василий с трудом преодолевая сковывающую тело боль повернулся на скрипучей кровати, стоящей у белой, холодной печной стены, но вместо того, чтобы встать и пойти в сени за дровами, как наметил, начал размышлять о том, почему они с напарником: молодым, дерганым, сильно пьющим местным парнем, так и не добыли воды в последнем вырытом им, — вопреки всем правилам — летом, а не поздней осенью или зимой, — колодце. Ведь ее добычей Василий занимался почти всю свою, не такую уж долгую, как виделось ему теперь, жизнь. И очень редко вырытый колодец оказывался сухим...

Рыли в августе, на горе, у дачников.

Место хозяйева указали сами, сообщив, что вроде бы, по слухам, когда они покупали участок, им сказали, что раньше именно здесь был колодец...

Небольшое углубление рядом с березой, росшей на моховом бугорке, у края верхового болотца, было заполнено прозрачной дождевой водой.

«Верховодка, может быть, будет», — успокоил себя Василий и обнадежил себя тем, что все колодцы в этом распадке, по крутой улице Горной, неглубокие: три-четыре метра от силы, однако воды в каждом достаточное количество. И на вкус она хороша. Правда, места для рытья тех, ранних колодцев, выбирал дед Аким, преставившийся, когда сам Василий еще бегал по этому байкальскому поселку босоногим загорелым огольцом.

Место для колодца дед находил при помощи лозы. Теперь уже так никто не может. Сам же Василий секрета лозы не ведал и водоносы, по-настоящему, искать не умел. Конечно, какие-то особые приметы он знал. Например, он твердо был уверен, что колодец можно рыть в том месте, где растет бузина. Или — где трава стоит все время, даже в жару, высокая, сочная, влажная и зеленая. Впрочем, в указанном месте трава именно такая и была...

Слышал он от своей бабки Ксении, дружившей под конец жизни с бобылем Акимом, что можно определить место и чугунной сковородкой.

«С заходом солнца, — как бы услышал он сейчас ее тихий голос, — клади колодезники сковороду на место предполагаемого раскопа, а утром проверяли: есть роса на сковороде — значит, вода неглубоко залегает, если же остается сковорода сухой — копать не стоит».

— У вас есть чугунная сковорода? — спросил Василий стоящего перед ним босиком, в одних шортах, плотного коротконового хозяина участка. На дачнике на массивной золотой цепи висел, тоже массивный, золотой крест. Упирающийся своим подножием в могучий, глобусобразный, волосатый живот.

— А вы, что, яйца жарить собрались? — хохотнул хозяин и, не дожидаясь ответа, крикнул. — Таня! У нас чугунная сковорода есть?

— Да ты что, Эдик! Зачем нам это старье? — появилась на пороге веранды, едва вмещающаяся в проеме двери и чем-то похожая на гусыню, хозяйка. — У нас ведь все «Тефаль».

— Тефалем не определить, — проговорил Василий.

Толстячок пожал плечами. Закурив сигарету и задумчиво глядя на дымок он, наконец, назвал цену.

— Плачу по тысяче за метр. Со всем обустройством. Срубом, там, и прочей хренотенью, — поспешно добавил хозяин, решив, что погорячился. — Идет?

— Идет! — радостно отозвался напарник, которого в поселке все звали Санек.

Хозяин, не спеша, с чувством не зря прожитого дня и удачно вложенного капитала, уверенно ступая по некошенной траве слоноподобными ногами, двинул к дому.

— Ну! — радостно потирая руки, заговорил Санек. — За работу! Копай да копай — дело не хитрое. А денюжки капаят. Вон уже сантиметров семьдесят есть, — указал на естественное углубление: — Хозяин, слава Богу, не скупой попался.

— А ты колодцы здесь когда-нибудь рыл? — спросил напарника Василий.

— Нет, — бодро ответил тот. — А че тут мудреного-то? Бери больше, кидай дальше. А потом — деньгу в карман и к Дуське в магазин! — размечтался он. — По штуке за метр — кучеряво! Четыре метра — четыре тыщи, а?! А четыре-то метра мы дня за два всяко-разно нароем. Так ведь, дед?

— Не знаю... Посмотрим... — нехотя отозвался Василий, не любивший делить шкуру неубитого медведя.

Он присел рядом с ямкой, почувствовав, что ему неприятно примерять к себе слово «дед». Пощупав мох на краю ямки и сжав его в руке, словно выжимая, продолжил:

— Боюсь, не добудем мы здесь воды...

Мох в его руке был сухой.

— Да тебе какая разница! — взвился Санек, будто его ужалила оса. — Рой да рой. И чем глубже, — тем лучше. Не наши проблемы — будет-не будет вода. Давай, начинаем!.. Не мы место выбирали. Где сказали — там и роет.

Василий оконтурил лопатой ямку, существенно расширив ее. Так, чтобы было приблизительно полтора на полтора метра. Лопата с трудом пробивала дерн и под ним частенько ударяла в камень.

— Ты куда это, дед, такую-то дырищу рисуешь?! — бросив докуренную папиросу в ямку, завопил Санек. — По размеру ямки и будем копать. Че лишнюю-то работу делать?

— А ты, парень, как потом, на глубине, хотя бы в два метра, лопатой орудовать будешь? Черенком за борта цеплять? — постарался объяснить Саньку без раздражения Василий. Не нравился ему напарник. Ох, как не нравился. Все спешит куда-то, суетится без толку. А в серьезной работе — спешка ни к чему... Недаром же говорят: «Вам надо как? Хорошо или быстро?» Однако другого никого в помощники не подвернулось. Этот хоть заработать хочет, да потом пропить. А остальные-то — только и думают, где бы на дармовщинку денегат на бутылку сшибить. Дальше бутылки мечты не идут... А без напарника никак не обойтись. Метров до двух еще можно земельку одному выкидывать. А глубже — только ведрами ее подымать. А у Санька сила вроде еще есть. Не изболелся, как говорится. Сам же Василий, как стукнуло ему пятьдесят пять, все чаще стал ощущать усталость, над которой раньше только смешивался. И никогда до конца не верил, что на самом деле существует она — предельная усталость. Когда и сама жизнь уже не вмоготу, и все постылым и безразличным кажется... А ведь казалось, не будет ему сносу. И после самой тяжелой работы, ополоснувшись холодной водой из колодца, хорошо поев или выпив горячего крепкого чая, немного передохнув, он мог снова начать «робить». Дрова ли готовить, воду ли в баню таскать... Да мало ли дел в деревне...

Санек, обливаясь потом, срезал дерн с намеченного участка. Сделав половину работы, бросил лопату и зло закурил.

— Твоя очередь, дед...

— Не торопись, «внучок». Не рви постромки. Успеем еще наработаться, — ответил Василий. И, взяв лопату в руки, добавил: — И запомни, что не я у тебя, а ты у меня в напарниках.

Про себя подумал, с трудом разрезая дерн лопатой на небольшие квадраты: «Однако слабоват на поверку «орел» оказался. Сколько ж ему лет? Судя по всему — двадцать пять есть. А может, и более. В армии-то он, однако, уж года четыре как отслужил. Помнится, бравый такой вернулся из Владивостока в поселок. В ладно подогнанной морской форме. И не осознавал, наверное, что это и есть его звездный час...»

Василий вспомнил, как встретил «дембеля» Санька, спешащего с паромом домой. Улыбка во все лицо. Всем: «Здравствуйте! Как дела?! Вернулся, вот!»

Глядя тогда на него, Василий и сам невольно разулыбался, отметив, что парень этот весь из себя свежий такой: кожа тихоокеанскими ветрами выдублена!

«Не сгадился бы только тут, в смутные-то наши времена, — думал тогда Василий. — Ведь каток большой смуты всегда, в первую очередь, по молодому проходит, не давая им не то что подняться, встать на ноги, но и распрямиться как следует. Многие с этим невидимым горбом так и привыкают потом жить, в полусогнутом состоянии».

В общем, погулял парень месячишко с корешами да местными, подросшими за время его службы, красавицами (та, что обещала ждать — брюхатая уж была), вспоминая службу да моря, в которых довелось побывать. И даже — один заграничный северокорейский порт... А потом побегал, помыкался по поселку — работы нет. Не то что по специальности (на судне он был акустиком), а вообще — никакой. А у кого она и была, так тем порой по полгода и более зарплату не платили... Безнадега, одним словом...

Рванул Санек в город! Да через годик возвратился: грустный какой-то, задумчивый и... злой на весь мир. Кажись, автомат бы в руки — и пошел косить всех подряд! Да, «не дай вам Бог увидеть русский бунт: бессмысленный и беспощадный».

Жалел Василий все это поколение, появившееся на свет примерно за два десятка лет до конца двадцатого века, на жизнь которых выпала напасть новых реформ, вздыбивших и, в конце концов, разваливших огромную страну, словно сокрушительным взрывом, на осколки. И все эти российские катаклизмы, как всегда, впрочем, своей тяжелой поступью прошли по хребтам многочисленных Ванек, Манек, Санек, безжалостно ломая их хребты своей неподъемной для молодых плеч ношею, только за то, что им «посчастливилось» родиться в данное время...

По телящичку же, «населению этой страны» рисовали «красивую жизнь» различных киногероев из многочисленных сериалов, ничего общего с реальной жизнью не имеющих, персонажи которых размышляли, в основном, только об одном: как грамотно, чтоб с прибылью, потратить деньги. А тут еще, точно грибы-поганки, неизвестно из каких щелей вылезавшие, но зато известно на каких дрожжах разбухшие, образовались новые русские миллионеры, миллиардеры, олигархи, ловко прикарманившие во всеобщей неразберихе реформ народное добро, и их защитники, неплохо прикормленные ими: «журналюги», вещатели-демократы, общечеловеки, либералы, советники разные... Тьфу ты, зараза, не к ночи будь помянуты. И вся эта новая орда наставляла с экранов телевизора, по радио, как надо жить народу «правильно». Как вписаться в общемировые капиталистические ценности, когда все, в том числе и достоинство человека и целой страны, — на продажу! «Рынок теперь правит всем!»

Что такое этот всемогущий нынешний рынок, Василий так понять до конца и не сумел. Раньше, когда все было ясно и просто, хотя и дурости всякой тоже хватало, он, еще мальчишкой, ездил с родителями в город, на рынок, торговать мясом выращенного боровка или бычка. И точно знал, что родители, за помощь в выращивании живности купят ему обещанный велосипед... Теперь же государство обещало своим простым гражданам много, но для выполнения своих обещаний практически ничего не

делало. Может быть, из-за этого всеобщего обмена у таких нынешних Саньков и цели-то впереди никакой, кроме «налить да выпить», теперь не осталось. Ни институт тебе закончить... Зачем? Ни домом, ни семьей своей обзавестись. Опять же — зачем? Детишки — обуза лишняя...

— Ты, Санек, дерн свой откинь подальше пока. Чтоб не мешал потом нам на краю ямы, — прервал свои нелегкие раздумья Василий. Наблюдая, как напарник, грызя травинку, блаженно щурится, словно кот на прогретой завалинке, глядя на солнце, полулежа на невысоком, ровном штабеле из толстых листовенных досок, сложенных невдалеке. Предназначенных для сруба колодца.

Санек неохотно встал со штабеля и стал переносить квадраты дерна к березе. Василий приступил к копке.

Перепутанная белесая сетка корней травы с трудом отдиралась от скудной землицы, из последних сил держась за родную и не такую уж ласковую сибирскую почву.

«Вот ведь даже травинка малая за родной кусок земли цепляется... — с уважением подумал Василий. — А эти, всякие там перекасти-поле, все с бугор смотрят...» — закончил он мысль, неизвестно кого, собственно, подразумевая под этими перекасти-поле.

За дерном почти сразу пошли камни, которые надо было выворачивать уже ломом, высекающим искру, когда тот ударял по ним. На счастье встречались пока что не очень большие каменюги, которые можно было, если не вывернуть из земли, то разбить кувалдой.

Работали уже больше часа, а углубились не более чем на полштыка лопаты.

— Да что же это за земля такая, проклятущая! — взъярился Санек, неистово долбя ломом, судя по всему, по неподъемному, вставшему на их пути, валуну. — Так мы и за неделю метра не пройдем, — в сердцах, тяжело дыша, проговорил он, бросив лом на землю.

— Ничего, крепись, казак — атаманом будешь, — постарался ободрить его Василий. — И не при ты в лоб со штыком против танка. Не все дуrom надо делать. Иногда и хитрость, тактику то есть, надо применить. Мы каменюгу эту обойдем. Окопаем. Глядишь, а он в яму под собственным весом и выдавится из стенки. А там, если сил хватит, веревками его вытянем. Да и метра через полтора камни должны кончиться. «Лишь бы глина не пошла. Это похуже любого камня будет», — уже про себя, чтоб не расстраивать напарника, подумал Василий и сел на траву передохнуть вместе с Саньком.

— Точно кончатся?! — взбодрился напарник.

— Обычно так бывало...

— Отдохнем, давай, маленько, — одышливо проговорил Санек, с неподдельной тоской глядя на выпирающие отовсюду разного размера камни.

— Короткое у тебя дыхание, Санек. Никак запалился? — пошутил Василий, тоже с трудом удерживая ровное дыхание. — Еще ж и работать не начинали.

— Да мы тут до вечера провошкаемся, а и метра не пройдем, — почти обреченно проговорил Санек, устраиваясь на досках. — Проклятущая судьбина! Ишачишь, как ломовая лошадь, и никаких тебе радостей жизни...

Время музыкой и натужно урча мотором, на гору по некоторому подобию дороги но без труда поднимался японский микроавтобус.

— Никак гости к нашим хозяевам, — с нескрываемой неприязнью предположил Санек. — Больше-то здесь, на горе, не к кому. — И тут же завистливо восхитился: — Зверь-машина, все колеса ведущие. Такая на любую гору запрет.

Через несколько минут, обогнув уже на «ладошке» горы, недостроенную дачу, с прекрасным видом на Байкал, яркий автобусик въехал в радушно распахнутые хозяином ворота.

С водительского места через опущенное стекло на приветственный жест Эдуарда откликнулся такой же мордатый, улыбчивый, красноротый, с коротко стриженными рыжими волосами здоровяк, напоминавший веселого бандита.

— Привет, братан! — сказал он Эдуарду, вылезая из кабины, уже на территории дачи.

Косолапо дошел до хозяина, и они обнялись. Похлопали друг друга по спинам. Слегка отстраняясь, оглядели друг друга и, видимо, довольные собой, наконец, расцепились.

Приезжий был тоже в шортах. В цветастой маечке, не скрывающей его, хоть и зажиренной уже, но мощной мускулатуры.

— Звал... — проговорил он весело. — Вот я и приехал.

Он что-то еще сказал Эдуарду на ухо, и оба они тихо, шкодливо захихикали, поглядывая на боковую раздвижную дверцу автобуса, из которой через секунду неспешно вышла броская, слегка потасканная, в короткой юбочке, девица с рабочей, застывшей улыбкой и пустыми глазами.

— Мы к вам, Эдуард, на уик-энд, — игриво заговорила она, направляясь к мужчинам и красиво переставляя свои ходульные ноги, которые казались еще изящнее и длиннее из-за туфель на высоких каблуках, протыкающих землю и ненадолго застревающих в ней. Отчего вальжной походки у девицы не получалось.

— Геннадий обещал, что будут шашлыки и море шампанского! — подошла она к приятелям, протягивая Эдуарду руку для поцелуя.

Хозяин галантно наклонился, но в последний момент, скосив глаза на окна веранды, резко выпрямился и просто встряхнул тонкую кисть девицы своей ручищей.

— Муся, — представилась та.

— Эдуард.

— Я знаю. Мне о вас Геннадий рассказывал много хорошего, — кокетливо улыбнулась она, высвобождая изящные пальцы с длинными блестящими хищными ногтями из пухлой руки хозяина. — Какие вы, однако, с Геннадием сильные, — улыбнулась она, обернувшись теперь уже к своему дружку (нельзя, чтобы похвала ее осталась незамеченной), который стоял теперь у поднятой задней дверцы машины и что-то сосредоточенно рассматривал там, не заметив улыбки Муси.

— Эдик! — послышался от крыльца дома зычный голос Татьяны, его жены. — Ты что же это гостей на улице держишь? Приглашай в дом...

— Пойдемте, — сказал Эдуард, конкретно ни к кому не обращаясь.

Муся, «приклеив» к лицу приветливую улыбку, направилась за хозяином к крыльцу дачи на цыпочках, стараясь не увязать в земле шпильками. Отчего походке ее выглядела комичной.

Геннадий, откупорив банку пива, продолжая стоять у машины, стал с жадностью поглощать его большими глотками.

Вытерев тыльной ладонью сторону рта от пены, он довольно приветливо крикнул Василию с Саньком:

— Мужики! Машину разгрузите. Две банки пива за это вам, — закончил он голосом, не допускающим никаких возражений.

— Ломом бы тебе по башке, да по твоей машине, — зло прошипел Санек, уперев ненавистный взгляд в широкую спину гостя, который, сделав последний глоток, легко смял в своей ручище пустую металлическую банку, словно она была сделана из бумаги и, недолго думая, выбросил ее за забор.

— Во, мля, жись, — обреченно заговорил Санек. — Вот объясни ты мне, если сможешь, почему так? Как Шпейзеры, Шмайзеры и Драйзеры, так то клуб футбольный «за бугром» могут купить или на личном самолете рассекать, а как Ванька да Манька Иваново-Сидоровы, так только землю копать или посуду в ресторане за ними мыть. Ну почему у одних суп жидкий, а у других — жемчуг мелкий, а?

— В себе надо зло искать, в себе, — ответил Василий. — Никто в наших бедах, кроме нас самих, не виноват...

— Ну че, пошли? — повернулся Санек к Василию, когда гости и хозяева, картинно расцеловавшись на крыльце, скрылись за дверью.

— Иди — если хочешь, — без каких-либо особых интонаций ответил Василий, а я пока посижу, покурю на солнышке. — И уже в спину уходящему к машине Саньку крикнул: — Вот тебе и ответ на твои вопросы.

— А-а! — только махнул тот рукой, не оборачиваясь.

Василий сел на прогретые доски и с удовольствием задымил папироской, а Санек начал перетаскивать из открытого багажника машины на веранду разного размера картонные коробки и полиэтиленовые прозрачные пятилитровые бутылки с водой. В самом конце он перенес две большие эмалированные кастрюли, от которых даже до Василия донесся дразнящий запах замоченного в уксусе, с луком, мяса для шашлыков.

Он, невольно сглотнув слюну, скомкал докуренную папиросу и, поглядев по сторонам, сунул ее в карман куртки, снова берясь за лопату.

С двумя банками пива подошел Санек и молча протянул одну Василию.

— Оставь себе, — отозвался тот. — Я не заработал.

Санек, усевшись на штабель, с явным удовольствием выцедив банку пива, резко повеселел.

— Холодненькое, не теплое, как я думал, — блаженно проговорил он. — В специальном контейнере со льдом лежало. Во как банка-то отпотела, — продолжал восхищаться он, разглядывая вторую банку, а пустую положив рядом со штабелем. — Точно не будешь? — спросил он.

Василий не ответил, продолжая окапывать выпирающий из земли камень.

— И крепкое какое! — продолжал блаженствовать Санек, — приложившись ко второй банке. — Представляешь, ящик водки! Три упаковки пива — банок по двадцать, однако, каждая. Контейнер со льдом — тоже с пивом. Две кастрюли с мясом! Вот это жизнь! А та-то телка — Муся! Прямо конфетка! Так всю бы и съел...

Он посмотрел в раздумье на вторую, недопитую банку пива. Осторожно поставил ее в траву, в тенечке от досок, и бодро спросил:

— Ну че, Михалыч, с энтим каменнойгой делать будем?

— По-прежнему есть только два варианта. О первом я тебе уже говорил — окопать со всех сторон, чтобы он из стенки под собственным весом

рухнул. Второй вариант: попытаться, пока он не на весу, расколоть его на несколько частей кувалдой. Хотя, — это вряд ли. Больно уж здоровый каменюжина, похоже. Да и ты охотку на нем уже сдернул, однако, кроме искр, результатов никаких не добыл...

Часа через два работы, обкопанный сверху и снизу камень под собственным весом выдавился из боковой стенки и рухнул на дно примерно уже метровой ямы, почти наполовину закрыв ее и устремив за собой часть стенки, в которой сидел.

— Ну, че дальше? — прерывисто дыша, спросил Санек, усаживаясь на доски и допивая вторую банку пива.

— Фу, теплое уже, — состроил он брезгливую гримасу, продолжая пить.

На лбу его выступила крупная испарина. А рубашка так же, как и у Василия, на груди и спине потемнела от пота.

— Вытащить его как-то надо, — задумчиво проговорил Василий, глядя на почти засыпанный землей валун. — А этих бугаев, — кивнул он в сторону дома, — просить помочь, похоже, бесполезно. У них своя работа — деньгу ковать.

— Как вытащить-то?! — делая большие глотки и словно давясь пивом, спросил Санек.

— Землю надо вначале, какую он обрушил, выкинуть. А потом попробуем по доскам, юзом. Намочим их вон из той лужи... Я его ломом приподниму, а ты вон те короткие толстые доски под него подсунешь. Обвяжем веревкой и потянем по наклонной. А если сил не хватит — придется как-то разбивать и вынимать частями. Сходи, спроси у хозяина веревку покрепче, да кувалду, — кивнул Василий в сторону дома, откуда был слышен смех, веселые голоса и музыка. Казалось, люди и магнитофон соревновались кто кого переорет. — А, впрочем, не ходи. Я спущусь к себе и принесу, что надо. Заодно и воды для питья принесу. Хочешь, так вместе пойдем.

— Пойдем, — неожиданно легко согласился Санек.

Лицо его было теперь задумчиво-грустным, а не бесшабашным, как им он хотел казаться.

— Банки пустые из-под пива, заодно, заberi. По пути на помойку выбросим. А то, глядишь, и чайку сгоношим у меня дома. Попьем для укрепления сил, время-то к обеду.

— А я бы не чайку сейчас, а водки стакан, даже без закуски, махом заглотил. Так что-то на душе погано, как будто в клетке какой сижу и выбраться из нее наружу не могу, — тусклым голосом отозвался Санек, засовывая банки в карманы широких штанов.

— Водка как лекарство от тоски — это последнее и притом зряшное дело... — уронил Василий, и они начали спускаться к его дому, стоящему в начале распадка, недалеко от Байкала, откуда и брала свое начало недлинная, но крутая улица Горная.

Пока на допотопной электроплитке грелась вода, Василий сходил в сарай за веревкой и здоровенной, тяжелой кувалдой. И то, и другое оставил на крыльце.

— Веревка у меня добрая, крепкая, из настоящей пеньки, поэтому не тянется, как резина. Не то, что нынешние, синтетические. Может, они и крепкие, но скользкие и тянучие, — вернувшись в дом, счел он нужным «отчитаться» перед Саньком за свое немалое по времени отсутствие. —

Правда, едва нашел ее, сразу. Забыл уж, куда положил. А в сарае всякого хлама поднакопилось — все руки не доходят разобрать. Может, половину всех этих «необходимых» вещей и выбросить уже пора... Раньше-то, когда коровку держал, — снова вспомнил он о веревке, — зароды ею увязывал при вывозке стогов с покоса в сарай, под крышу. Да вот, года три уж, однако, — словно извиняясь за свое безделье, будто даже винась, проговорил Василий, — не держу никакой живности, кроме лодыря-кота. У того любимое занятие одно — спать на теплой печи. Впрочем, как и у многих из нынешней (он почему-то специально сказал это слово так, как говорила его бабушка, на старинный манер) молодежи. Так что, че коту за лень винить... Он у меня и за кошками-то по весне не носится. Видать, все отморозил, что для этого дела требуется. Я ведь его подобрал под забором, котенком еще. А ночи уже осенние, морозные были. Видать, кто-то выбросил. Как не околел — удивительно...

Санек, казалось, совсем не слушал Василия. Видно не интересны ему были все эти зряшные разговоры. Однако, как только Василий замолчал, он серьезно спросил:

— Сам-то чего без жены живешь? Мужик ты видный, крепкий. Не пьющий, к тому же. Любая баба за тебя уцепится. И небось не отморожено ничего, как у твоего кота.

Спрашивая обо всем этом, он не без удивления рассматривал обстановку дома. Вернее, почти полное ее отсутствие.

— А эта красавица кем тебе приходится? — спросил он вновь, не дождавшись ответа и внимательно разглядывая фотографию в простой самодельной рамочке, висевшую на голой стене. — Родня какая-то, что ли?

— Жена, — как показалось Саньку, не совсем охотно ответил Василий. — Я ведь был женат, по молодости... Да забрал Господь быстро мою половину... Намиловаться даже как следует за три вместе прожитых года так и не успели. Царствие ей Небесное, — глубоко вздохнул Василий. — А после нее на других и смотреть не мог долгое время. Больно уж славная она у меня была. Добрая очень. Даже когда уже сильно болела, все не о себе, а обо мне печаловалась. «После года, — говорит, — женись, Василий, на какой-нибудь хорошей женщине, чтоб берегла тебя да любила. Нельзя человеку быть одному. Озвереть может. А там, глядишь, и детки у вас пойдут — то-то славно! Это я тебе такая неплодная досталась. Уж прости меня...» И заплачет так тихо, неслышно. Сильно переживала, что родить не могла. Для настоящей-то бабы это горе большое...

На бледно-голубом, будто выцветшем от времени, эмалированном вместительном чайнике запрыгала крышка, издавая веселые звонкие звуки. Василий залил кипятком в заранее просушенном керамическом заварнике чай. Достал из погреба молоко и варенье.

— Беру вот у соседки. Не могу чай без молочка пить, — словно извиняясь за что-то, пояснил он Саньку.

Из висящего на стене шкафика извлек две чашки и полбулки хлеба.

— Небогато живешь, — раздумчиво сказал Санек, присаживаясь на самодельную лавку к самодельному же столу, покрытому клеенкой с поблекшими квадратиками плохо угадываемого теперь цвета. — Ни холодильника, ни телевизора нет. Ты не старовер, случаем?

— Не старовер, — отозвался Василий, разливая по чистым чашкам крепкий душистый чай, и добавил: — Необходимое есть, а лишнего не надо. Одна обуза от лишнего и маета.

— А деньги тогда куда деваешь? В матрас, что ли, складываешь? Ведь

ты всю жизнь, почитай, колодцы роешь. А колодезники всегда ценились. И деньгу неплохую всегда зашибали.

— На колодцах, брат, шибко не разживешься, — с удовольствием отхлебывая обжигающий чай, ответил Василий. — Колодцы ведь не каждый день роют. В иной год один-два только и сработает. Да хорошо еще, если на жилу, неглубоко залегающую, попадешь. А то и сухой колодец бывает. И силы, и материал — все только впустую израсходуешь. Грунты тоже разные попадаются. Не дай Бог глина — замаешься ее кидать. От лопаты не отстает, словно приклеенная. Ко всему цепляется: к одежде, сапогам...

Помолчали, попивая чаек и думая каждый о своем.

Василий — о том, какой после плитняка пойдет грунт. А Санек вспомнил вдруг самое славное времечко — свою службу на Тихоокеанском флоте, и, не удержавшись, заговорил:

— Я вот по океану на сторожевом корабле ходил. И как-то среди его кажущейся бесконечности однажды нечаянно понял, как, в сущности, мала Земля. Ведь рукой подать от Владика до Японии, той же, такой далекой вроде бы, такой загадочной, необычайной. Два дневных перехода — и уже все другое. Другая страна, люди, дороги, дома — жизнь. Все чистенькое, аккуратное, игрушечное какое-то... А ведь никаких ресурсов у них нет. Все от других берут. А живут как! Не чета нам. Вечно по колону в навозе топчемся. Эх, укатить бы куда-нибудь подальше: и из песелка постылого этого, и из страны этой гребаной, за моря-океаны... — мечтательно произнес он и тут же сам себя осадил: — Да вот только вопрос: кому мы там нужны, такие, за морями-океанами? Никому и нигде не нужны, — сам себе и ответил. — Вот заковыка-то основная, похоже, в чем. Червоточина в нас, что ли, какая? Не можем мы научиться, как следует жить, чтобы брать от жизни сполна, не мучаясь ею, а наслаждаясь...

— Если все время только брать, ничего не отдавая, зачичеревеешь, заскорузнешь и интерес к жизни потеряешь. Да и жизнь саму будешь воспринимать, словно игрушечную, — решил поделиться своими раздумьями Василий. — Это — как колодец. Если из него воду часто берут — она в нем чистая, светлая, не застойная. А перестань черпать — протухнет, загниет в нем вода. Вот как Америка, которая со всего мира хапает, — все нажраться не может. И сама от этого вся будто чирями покрылась. Пока еще на незаметных местах, но самими-то умными американцами уже ощущаемых. Так же, наверное, и с некогда могучей Римской империей произошло, когда хватательный инстинкт над всеми остальными возобладали. И она все ширилась, ширилась до необъятных пределов, пока не лопнула, как мыльный пузырь, потому как стержня, скрепы основной, для государства нужной — идеи там какой или чего еще — у нее уже не было. А просто жить для набивания брюха — любому скучно становится. И в державе нашей печаль основная, я думаю, в том, что дела настоящего у большинства людей нет. А без дела стоящего человек, как перекати-поле, туда-сюда мотается, а места приткнуться себе не находит. Ведь дело — если его хорошо, честно делаешь — приносит отдачу и радость не только тебе одному, но и другим. И так получается, что чем больше отдаешь, тем больше сам имеешь. Как бы добро и доброту приумножаешь, сеешь вроде в этом мире...

Санек молчал. И после некоторого раздумья Василий продолжил, в перерывах, не спеша, прихлебывая уже изрядно остывший чай. И отчего-то испытывая жалость к Саньку, как к сыну, вдруг потерявшему себя.

— Опять же, если с колодецем сравнение брать. В глубоком колодеце и днем звезды светятся. Так и душа человеческая, чем глубже она — тем больше в ней света. Хотя, казалось бы, вглубь — это ведь совсем в другую сторону от высоты! Ан нет, на поверку получается. Я вот в детстве мечтал: если такой глубокий колодец вырыть, чтоб всю землю проткнул, он ведь все равно где-то наружу выйдет: в Африке, Америке ли, и снова в небо глядеться станет. И снова звезды в нем отражаться будут. Другие только. Южный Крест, например... Значит, глубина после какого-то предела в высоту превращается. Как царевна-лягушка в сказке, вывернувшись, превращается из лягухи в прекрасную царевну...

— Да слова все это, Михалыч. Красивые слова, не более, — задумчиво проговорил Санек. — Пошли вон лучше колодець рыть. Это — реалии. А то заболтались мы тут с тобой на отвлеченные темы. — И, уже вставая из-за стола и вновь оглядев скудную обстановку дома, не утерпел, добавил: — Сам-то ты что-то не много добра нажил, хотя сделать его, наверное, немало успел.

— А мне много и не надо, вот в чем вопрос, — спокойно ответил Василий, тоже поднимаясь из-за стола. — Довольствуюсь тем, что имею...

Как ни старались Василий с Саньком, как ни тужились, вытянуть каменюгу не смогли...

Веревка опасно напругалась и, казалось, вот-вот лопнет, как перетянутая струна. Обмотанный же ею при помощи лома крест-накрест камень едва шевелился, но скользить по наклонным доскам вверх никак не хотел.

— Не вытянем мы его... — смахивая рукой пот, с безнадеей в голосе сказал Санек, когда они уселись на штабель передохнуть. — Еще бы одного мужика — может, и вытащили бы.

— Мужики, особенно настоящие, сейчас большая редкость. В иных местах при видимом мужском разнообразии ни одного мужика порою не встретить. Так, нечто среднее в штанах, — задумчиво проговорил Василий и закурил.

Сквозь летучий дымок папиросы он увидел, как от веранды к ним нетвердою походкой и не по прямой, а плавными зигзагами движется здоровяк Геннадий. В одной руке он держал полупустую бутылку водки, в другой — шампур с несколькими, оставшимися на нем кусками мяса.

— Ну, че, мужики, будет вода? — задорно, как юный пионер, спросил он, подойдя к ним.

— Кто его знает, — ответил Василий. — Если за плитняком песочек пойдет, может, и будет. Хотя бы верховодка...

— Вы это, братцы, в натуре, воды Эдику добудьте. А то его Танька совсем заест... Угоститесь? — без плавного перехода спросил он, кивнув на бутылку.

— Да нам бы сначала каменюгу вытянуть, — заговорил Санек. — А то он дальше копать мешает. Все перегородил.

— Так че сидим — не тащим! — с прежним задором воскликнул Геннадий и громко икнул. — Раз, два, взялись!

— Да мы уже пробовали — не получилось. Еще б одного мужика. Втроем, глядишь, и осилили бы, — отозвался Санек, с завистью глядя на могучие бицепсы Геннадия, который от слов Санька вдруг весело и громко заржал.

— Это, ну, как в анекдоте, когда баба ночью, слышь, мужу говорит,

потянувшись так сладенько: «Эх, мужика бы сейчас...» А тот ей, недо-вольно: «Где ж я тебе, дура, в три часа ночи его найду!»

Он снова захохотал. Потом посмотрел на часы и сказал:

— О! Три часа. Где ж я вам мужика найду? Сами шукайте.

— Может, подсобишь малость? Вон у тебя «банки» какие накачан-ные! — льстивым голосом проговорил Санек, указывая глазами на могу-чие мышцы Геннадия. — Втроем-то мы б его — махом!

Геннадий с удивлением посмотрел на свои руки, потом на камень, словно намереваясь выкинуть его из ямы, как простой голыш. Чувство-валось, что внутри его идет трудная, непривычная для него, мыслитель-ная работа.

— Накачанные, говоришь? Это точно, — изрек он, наконец. — Но не могу, мужики, из прынцапа. От работы кони дохнут, — снова гоготнул он. — А в жизни как? Один платит — другой работает. Я — из тех, кто платит и заказывает музыку... На-ка лучше водочки накати для подкре-пления сил.

Он поставил бутылку на низкий штабель досок, при этом на какое-то время утратив равновесие, отчего чуть не клюнул носом землю. Вернув равновесие, достал из кармана пластиковый стакан и, налив в него вод-ки, передал Саньку.

Тот, давясь и как-то некрасиво морщась, поспешными глотками, от-чего его острый кадык заходил ходуном, выпил наполненный до краев «стакан».

— Во молодец! Наш человек! — похлопал его по плечу Геннадий. — Закуси!

Он снял с шампура кусок мяса и своими толстыми пальцами чуть ли не засунул его в рот Саньку. И когда тот поспешно, не разжевывая мясо, проглотил кусок, повернулся к Василию.

— Держи, — протянул он ему наполненный так же до краев plasti-ковый стакан.

— Я не буду.

— Закодированный, что ли?! — изумился Геннадий.

— Да вроде того, — неохотно ответил Василий.

— Непьющий он, — с удовольствием жуя мясо с переданного ему шампура, пояснил вмиг повеселевший Санек.

— Во чудеса! — искренне удивился Геннадий. — А я думал — таких не бывает! — Он поставил «стакан» на штабель. — Ну вы тут, в общем, сами разбирайтесь... — повернулся он к ним спиной и, недоуменно пока-чивая головой, пошел к дому.

После многих усилий камень все-таки удалось расколоть и вытащить частями. Однако тут приключилась другая напасть. После плитняка по-чти сразу пошла глина.

— Значит, верхнего водоносного слоя здесь нет, — невесело опреде-лил Василий. — Ладно, на сегодня хватит. Завтра отдыхай, воскресенье. А в понедельник приходи ко мне часов в девять утра. Вместе сюда пото-паем.

— Что-то тихо у них, — кивнул в сторону дома Санек и взял со шта-беля пластиковый стакан. Осторожно, стараясь не расплескать водку, поднес ко рту. — Не пропадать же добру, — заметив неодобрительный взгляд Василия, сказал он и залпом выпил, вытерев губы рукавом.

— Кувалду, лом и веревку надо забрать с собой, — сказал Василий,

видя, как Санек пристраивает их под штабель. — Они нам здесь больше не понадобятся. Так что оставляем только лопаты. Да надо будет веревку другую, потоньше, принести, и ведро. Метров с двух грунт ведром вынимать придется...

— Эх, сейчас бы парочку шашлыков да с холодной водочкой, — буд-то и не слушая Василия, размечтался Санек, снова быстро охмелевший...

Глина подавалась медленно. Но все равно за понедельник и вторник удалось углубиться более чем на три метра...

Грунт вычерпывали по очереди. Один — внизу нагружает, другой ведром вытягивает наверх.

Стоять внизу, даже в солнечный августовский день, было тоскливо и холодновато. А четырехугольник синего неба высоко над головой выглядел далеким и каким-то нереальным.

«Как в могиле», — подумал Василий и зябко поежился.

— Санек! — крикнул он, задрав голову и слыша, как тот выскребывает из ведра прилипшую к стенкам глину. — Скидывай лестницу. Меняемся.

Наверху он остановил напарника, намеревавшегося сразу же вместо него спуститься на дно ямы.

— погоди, малость передохнем, — сказал Василий и, усевшись прямо на сухую траву, с удовольствием распрямил спину и плечи. А потом и вовсе улегся на теплую землю, задумчиво глядя на каравеллы белых облаков, плывущих в небе по своим, ведомым только им путям и надобностям.

— Ты че это, Михалыч? — присаживаясь рядом и грызя травинку, озаботился Санек. — Вроде как работать не хочешь — не похоже на тебя.

— Да нет, Санек, — работу я полезную почти любую люблю. Хоть и тяжела она бывает порой непомерно. А вот бесполезный труд — точно, не уважаю. А здесь мы с тобой зряшную работу делаем. Ты замечал когда-нибудь, какой глубины по этой пади все колодцы?

— Какой?

— Не больше трех метров. А мы с тобой уже глубже ямину выкопали. И все глина. А в глине воды не бывает. Она ее не пропускает. Значит, мимо водоноса проскочили... Между пластами глины могут быть обширные линзы воды и — даже водоносы. Но какой этот пласт толщины, одному Создателю ведомо. Может, и восемь, и пятнадцать метров быть. Лопатой такой слой не проткнешь. Здесь буровая установка нужна... Правда, после плитняка был песочек — сантиметров пять, не более. Может, по весне в нем водонос и проклянется...

— А нам-то что?! — встрял Санек. — Есть вода, нету — не наша забота. Мы три с половиной метра прошли — три с половиной тыщи нам отслюнявь. А до вечера, глядишь, и до четырех доковыряемся...

— Доковыряемся, — задумчиво подтвердил Василий. — Но ведь хозяин нам за колодец обещал заплатить, а не за яму компостную...

Двигаться ему не хотелось, и он по-прежнему продолжал глядеть в синее бездонное небо, вспомнив очередную «присказку из прежней жизни» бабы Ксении, рассказывающей ему, мальцу, перед сном разные истории.

«В старину у колодцев собирались бабы да девки и судачили, секретами своими делились. И невдомек им, дурехам, что сказанные слова надолго сохраняются в колодце. А ведьмы и колдуны этим пользовались — при

помощи заговоров могли извлекать из колодцев бабьи тайны себе на пользу. И кому присушку потом любовную сделают, чтоб с любимым разлучить, а к нелюбимому присушить... Кому еще чего... Спи-ка ты лучше, внучок. Отдыхай. Набегался за день-то, чай. У ребятешек он ведь, день, дли-инный, не то, что у нас, у стариков — раз, и промелькнул...»

Василий мотнул головой, стяхивая с себя и в самом деле сморивший его мгновенный сон. Встал.

— Ладно, полезай, Санек, в яму. До четырех метров копаем, а там, всяко-разно, сруб надо ставить, чтобы стенки не завалило. — И уже вниз, крикнул: — У меня бабка говорила: колодцы — это глаза земли, равно, как болотца и озера. Поэтому — ни плюнуть, ни какой мусор бросить в них нельзя. Грех. А у нас с тобой «глаз» получается как бы с бельмом от рождения.

Санек промолчал. Василий, вытащив наружу лестницу, опустил ему привязанное к веревке ведро.

«Хорошо еще, что дождя нет, а то бы напурхались мы с этой глиной до отрыжки», — подумал он, садясь на доски.

— Готово! — крикнул снизу Санек. И Василий, подойдя к яме, с трудом потянул вверх тяжелое, наполненное красноватой глиной ведро...

Не раз потом ругал себя Василий, что накаркал непогодину. «Слово, оно ведь тоже материально, как та же трава, деревья, облака. Не надо было даже думать о непогоде ...»

Ночью, со вторника на среду, с громами и молниями ударила внезапно игривая летняя гроза, перешедшая к утру из ливня в затяжной нудный дождь, с небольшими перерывами не прекращающийся почти два дня.

Когда в пятницу разъяснело, они с Саньком пришли к «колодцу» и увидели, что он более чем до половины заполнен мутной водой.

— Как теперь копать-то? — растерялся Санек.

— Вычерпать воду сначала надо. Но самое плохое, что стенки завалило. Вишь как оползли местами. Думаю, что метра полтора, никак не меньше, глины нам поднавалило...

Вычерпав по очереди воду, которой оказалось больше двухсот ведер, спустили вниз лестницу. Она тут же увязла в жидкой глине до второй от низа ступени. Спустившись вниз, попробовали, зачерпывая ведром, устранить последствия оползня. Ведро засасывало в глину и оно с трудом выдиралось из нее, а потом, наверху, не хотело от нее освободиться. Черпать глину, стоя на ступеньке, тоже было неудобно. Тем более что глина липла ко всему.

С делами этими провозились почти до вечера, раскопав вновь сантиметров шестьдесят, не больше.

На сапогах, на ведре, на веревке, на черенке лопаты, одежде — всюду был толстый липкий слой глины...

Едва выдернув лестницу из засосавшей ее глины, потратив на это немало сил, тяжело дыша, сели передохнуть. В это время в аккурат подъехали хозяева дачи, которых не видели с прошлой субботы.

Они загнали свой сверкающий на солнце красный вездеход во двор и подошли к Василию с Саньком.

— Ну, как дела? — лениво спросил хозяин.

— Хреново, — ответил Санек. — Стенки вот от дождя обрушило. По второму разу теперь копаем.

Хозяйка брезгливо заглянула в яму и направилась к дому.

— Ну, ну... — неопределенно промычал Эдуард, мысленно переваривая информацию и больше ничего не говоря, последовал за хозяйкой.

— Славных ты работничков нашел! — нарочито громко проговорила она, шагая рядом с супругом тяжеловесной поступью боевого слона. За неделю и трех метров не прокопали! Пили небось все время. Совсем обленился народ! Даже за хорошие деньги работать не хотят.

Все это было сказано, конечно же, не для супруга, а для них, понял Василий.

— Вот курва! — не выдержал Санек, счищая щепкой с сапог здоровенные и тяжелые, как гири, комья глины. — Ее бы сюда, в эту ямищу, в эту грязь — по-другому бы запела!

Через какое-то время к ним, по-видимому, уже накачанный до белого каления супругой, вновь подошел Эдуард и, с неприязнью глядя на расплзающуюся красноватым тестом глину, изрядной кучей лежащую у забора, примерно в метре от роющегося колодца, спросил:

— Ну че, вода-то когда будет?! Или вечно здесь копать намерены, как детишки в песочнице?!

— Сруб сначала ставить надо, — охладил его пыл Василий, — чтобы стенки не заваливало. И осаживать его потом потихонечку, подрываясь снизу. Хотя воды... — он сделал паузу и потом уж нехотя договорил, — здесь, похоже, не будет.

— А зачем тогда сруб делать? Чтоб стройматериал зря извести?

— Кто его знает, — уклончиво ответил Василий. — Глядишь, если слой глины не мощный, можа, и на водную линзу наткнемся. А может, и верховодка по весне где просочится. В любом случае без сруба дальше рыть нельзя. Вот как очистим все, что навалило с боков, начнем ставить. Тем более, что в данном случае и наши, и ваши интересы совпадают. И вы, и мы хотим добыть воды.

— Делайте, как знаете, — махнул рукой хозяин и вялой походкой побрел к дому. Однако, подходя к крыльцу веранды, приосанился и на ступеньки вошел уже уверенной походкой твердо стоящего на земле человека, знающего свое место в этом мире и готового любому, если понадобится, показать кузькину мать!

Весь следующий день ушел на изготовление сруба. Не ладил никогда их Василий из досок, хоть и толстых. Поэтому с его конструкцией (чтоб доски впоследствии грунтом не выдавливало внутрь) пришлось помараковать...

Потом уже, в наполовину сработанном и спущенном срубе, стали пытаться углублять колодец, осаживая всю конструкцию то с одной, то с другой стороны и наращивая сруб сверху по ходу копки.

Работа была бы адова, пожалуй, даже для Геракла. Развернуться сложно. Пространство из-за сруба уменьшилось. Черенок лопаты то и дело упирался в доски, и зацепить грунт было трудно. Пришлось отпилить черенок лопаты почти до половины.

Подкапывая этим обрезком под срубом, Василий все время опасался: не придавило бы всей его тяжестью ногу или руку.

Руку — потому что, зачастую, куски все еще мокрой глины приходилось выбирать из-под досок руками. Не хотели цепляться они на лопату. А если и цеплялись, то не желали потом скатываться в ведро, словно при-

стыв к металлу лопаты. Ноги же то и дело или увязали в глине до половины голенищ сапог, или скользили к краю сруба.

«Если прихватит — хрен выберешься. Как в капкане будешь сидеть... — холодея от ужаса, думал Василий, стараясь отогнать эти мрачные мысли. — Этакую махину только краном теперь приподнять можно...»

Когда же его сменял Санек, он каждый раз назойливо повторял ему: — Ты там только аккуратно, смотри. Следи, чтоб сруб внезапно не осел.

— Да говорил уже! — огрызался Санек, с неохотой спускаясь вниз.

На сей раз работали даже в воскресенье, достигнув, наконец, четырехметровой отметки.

Рыть дальше, Василий понял это окончательно, не имело никакого смысла. Только жилы зря рвать да силы гробить.

Перед отъездом в город, к колодцу еще раз соизволил приблизиться хозяин. Он заглянул в сруб. Гукнул в его гулкую глубину и, повернувшись к Василию, произнес: «Ну, че?» Набор слов у него был явно невелик. Элочка Людоедочка из романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» со своим словарным запасом в тридцать слов была по сравнению с ним просто-таки лингвистом высшей пробы.

— Если верховодка весной не пробьет — можно попробовать пробурить еще метра три-четыре... Камней в глине не бывает, так что бур легко пойдет... Можно еще засыпать дно — примерно на полметра, — и за боковинами сруба — все свободное пространство — гравием. Тогда дождевая вода будет, стекая по стенкам, очищаться и, проходя через гравий на дне и с боков, собираться в срубе. Такую воду можно использовать для хозяйственных нужд: стирки, бани, там...

— А сколько нужно гравия? — спросил Эдуард.

— Машины, наверное, хватит, — подумав, ответил Василий. — Желательно еще и песком потом засыпать все пространство между камнями. Гравий можно и на вашем вездеходе повозить с реки помаленьку.

— На джипе, — поправил его Эдуард.

— Ну, джипе, чтоб затрат лишних не было...

— Я думаю, — пообещал хозяин. — Делайте крышку. Во вторник я приеду — привезу замок и петли. На месте все и решим... Сколько нарыли?

— Больше четырех метров, — опередил Василия Санек. — А точнее, почти два раза по четыре, если расчистку от завалившихся от дождя стенок считать...

— Денег хотелось нестерпимо, — с ухмылкой взглянул на него Эдуард и закончил своим обычным: — Ну, ну... — как-то косолапо загребая длинными острыми носами тувель, пошел к машине.

Войдя во двор дома, Василий почувствовал в руках и ногах непривычную слабенькую дрожь. Так бывало у него иногда после тяжелой, почти превышающей человеческие силы, работы.

«Что это я, — подивился он, — совсем, что ли, ослабел?» А в сумерках сарая, у верстака, где он обычно оставлял инструмент, его вдруг сильно, до какой-то колотьбы, идущей изнутри, зазнобило.

«Никак продрог шибко в этой глиняной кишке, — с неприязнью подумал он о вырытом ими сухом колодце. — Печь надо истопить да прогреться как следует. В доме-то, наверное, как и здесь, в сарае, сыро и су-

меречено. Да и вечер совсем не летний, холодный. Того и гляди, на гольцах снег упадет. А ведь август еще не кончился... И поесть надо как следует — силы подкрепить», — словно уговаривал себя Василий, выходя из сарая с охапкой дров и чувствуя, что никакого аппетита к еде у него нет.

Дома он затопил печь. Поставил на нее подогреть чайник с кипяченой водой и заварник с утренним чаем. Лень было ополаскивать его и заваривать новый. Открыв погреб и перегнувшись в него с пола, достал с полки завернутый в тряпицу кусок сала, косу лука и банку соленых огурцов. Из шкафчика, висящего на стене, вынул полбуханки черного хлеба, лежащего в прозрачном полиэтиленовом пакете. Лениво, вернее, как-то обморочно, будто сквозь зыбкий сон, отрезал несколько кусков, напластал немного сала. Измельчил на тарелке баночный ядреный огурец.

Без охоты, через силу съел немного хлеба с салом и кружком репчатого лука.

«Жаль, водки нет. Сейчас бы выпил стопарик для сугреву. Может, в ларек сходить?.. Да ладно, чаю попью. Согрелся уж небось...»

И тут он вспомнил, что со Дня Победы (в победный год Василий родился, и праздник этот славный уважал) у него в шкалике, кажется, осталось немного водки. И точно — за мало используемой посудой и пакетом с мукой он обнаружил недопитый с 9 мая шкалик, закрытый газетной затычкой.

То ли от газеты, то ли от чего еще водка в бутылке посерела, приобретя свинцовый оттенок.

Василий с опаской понюхал ее, а потом, налив стопку, опрокинул ее одним махом, словно говоря себе: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать!»

После выпитой водки ему стало вроде бы полегче и даже захотелось есть. Внутри что-то потеплело и повеселело. Он снова положил на кусок хлеба сало и лук, долил остатки «свинцовой» водки в стопку и на минуту задумался... От кого-то он слышал, что шрифты для печатания газет делают из свинца и знал, что в типографии районного городка Слюдянка, к чьему ведомству относился и их, самый дальний в районе, поселок, «районку» до сих пор выпускают на старинных типографских станках...

Еще немного поразмыслив, он вылил водку обратно в шкалик.

«Хорошего помаленьку. Оставляю до следующего раза», — мысленно объяснил он свои действия. И тут же вдогон с грустью подумал: «А будет ли он — следующий раз? Его ведь может и не быть...»

Без охоты он откусил от изготовленного им бутерброда, — аппетит снова пропал, — но, почувствовав поднимающуюся откуда-то изнутри тошноту, есть прекратил.

Нарезанное сало Василий снова завернул в полотняную тряпичку вместе с общим шматком и, встав на колени, в алюминиевой кастрюльке с крышкой аккуратно опустил обратно в погреб. Банку с огурцами вернул туда же, на полочку, чувствуя во всем теле тяжесть и ломоту.

К этому времени от печи в доме заметно потеплело, но озноб тем не менее Василия не покидал.

Выпив чашку горячего чая с малиновым вареньем, он заставил себя раздеться, забрался под старое ватное одеяло, надеясь согреться хотя бы под ним.

Он ненадолго забылся, и ему снова привиделась любимая бабушка Ксения.

Вот они с ней идут куда-то по пыльной дороге, к далекому хутору, на Украине.

Бабушка ведет внука — показать родне.

Пыль приятно греет босые ступни Васи. Солнце жарит всю и стоит над самой головой, оттого и говорить, и шагать лень.

У придорожного колодца с деревянным католическим крестом они останавливаются и с наслаждением пьют из него холодную воду.

Колодец непривычный: не такой, какие делают в Сибири, круглый и не деревянный, а выложенный камнями, скрепленными гладким, почти белым раствором цемента.

— Баба, а почему вода в колодце холодная? Ведь такая жара.

— Колодец глубокий, внучек.

— А правда, что в глубоком колодце даже днем можно увидеть звезды? — спрашивает он, глядя, как бабушка крестится, стоя спиной к нему у иконы Богородицы, вделанной в какое-то углубление в каменной кладке у креста.

— Правда, — оборачивается она к нему, ласково улыбаясь. — В жизни порой самое необычайное — правда. А самое обычное — ложь. Например, многие ложно живут, потому что это привычно — как у всех. И менять ничего не надо. Так что о правде даже и не вспоминают, тревог лишних не хотят... Ну, поднимайся, пойдем. Нам надо засветло до хутора дойти...

Василий среди ночи открыл глаза и, переживая только что увиденный сон, подумал: будто в другой какой-то жизни и не со мною все это было. Извилистая эта дорога, босоногий светловолосый мальчик. Стройная, прямая, с косой-коронай вокруг головы баба Ксения в украинской, с узором вокруг ворота и на груди, сорочке...

Его взгляд упал на освещенную лунным светом в красном углу старинную, потемневшую от времени икону Николая Угодника, единственную, оставшуюся от бабушки.

«Куда остальные-то подевались?! — силился вспомнить Василий и не мог. — Много ж их было, икон-то...»

Глаза святого казались живыми, выражающими сочувствие к человеческому страданию и словно светящимися изнутри.

— Да вот, — пожаловался ему Василий, — так прихватило, что видно уж не отбрехаться, не отшутиться...

Он сложил заскорузлые, еще совсем недавно такие крепкие пальцы в щепоть, но почему-то не перекрестился, передумал. Может быть, оттого, что не умел этого делать естественно, как баба Ксения. Попытался вспомнить не раз слышанные по утрам, сквозь сон, еще затемно — зимой или в жидком рассвете — летом (бабушка всегда вставала очень рано) ее молитвы, произносимые, чтобы не разбудить внука, шепотом: «Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный — помилуй нас... Святой угодниче Божий Николае, моли Бога о нас...»

Вспоминались только обрывки молитв, как отголоски чего-то, навсегда ушедшего... И свечение той далекой лампадки из детства, у икон, представилось ему теперь маленькой красной звездочкой, упавшей с неба.

Утром в дверь настойчиво постучали.

Василий попытался встать, но не смог.

— Михалыч, дома?! — услышал он бодрый голос Санька.

— Заходи. Не заперто... — едва слышно, с трудом отозвался Василий, и сам поразился тишине своего, едва прошепеставшего, как палый лист, голоса. Словно истончился он вдруг до невозможности.

Вошел Санек. И несмело и уже не так бодро, как из-за двери, спросил: — Ты чего это, Михальч, дрыхнешь-то до десяти часов? Давай, подымайся, нам ведь идти надо.

— Куда?

— Ну ты, блин, даешь! Вторник седня. Хозяин прикатит — деньгу отстегнет! Ты че, с перепоею, что ли?..

Василий отрицательно покачал головой, отчего в ней образовалось тошнотворное гудение.

Говорить ему было трудно, и он про себя подумал: «Это я, значит, с воскресенья пластом лежу...»

Собрав, куда-то все время старающиеся убежать, как вода из дырявого ведра, силы, сказал:

— Ты вот что, Санек, один сходи. Расхворался я что-то не на шутку — не подымуся. А потом придешь — затопи печь, пожалуйста. Да, коту-лодырю чего-нибудь дай поесть. Там, в сенцах, на полочке крынка с молоком. Налей ему в блюдце, оно у печки стоит.

От такой пространной речи силы окончательно оставили Василия, и он беспомощно уронил голову на подушку.

— Может, фельдшерицу позвать? — забеспокоился Санек. — Вон осунулся-то как... — проговорил он, подойдя к кровати и глядя на седую щетину на щеках Василия.

— Не надо. Отлежусь, — успокоил он Саньку, совершенно, впрочем, не веря своим же словам и чувствуя, как на разговоры у него катастрофически расходуются последние силы.

Налив проворно подбежавшему к миске коту молока, Санек ушел.

Через некоторое время — прошло несколько минут, час или полдня... Василий теперь не смог бы определить этого точно, словно потеряв некоторую невидимую связь со временем, — вернулся Санек. Чувствовалось, что он был зол.

Сходив в сарай за дровами, стал молча растапливать печь. Вид у него был угрюмый и недовольный — это чувствовалось сразу: и по его резким движениям, и по тому, как он мерил шагами комнату.

— Во, дожили! — разлепил он, наконец, уста. — Погода — и та над нами куражится! Печь топим! Только сентябрь наступил, а того гляди, снег упадет...

— Да, что-то подмораживает меня, Санек, — извиняющимся тоном отозвался из своего угла Василий, ощущая теперь свое нутро как нечто холодное, глыбообразное, почти целиком состоящее из льда. Но не прозрачного, светлого, а какого-то грязновато-серого, внутри которого едва просвечивает, теплится еще что-то величиною не больше маленького яблока, не дающее льду сомкнуться окончательно. И этот живой, теплый, чем-то похожий на желтого цыпленка, комочек находится у него за пупком, в области живота.

— Может, кровать к печке передвинуть? — предложил Санек.

— Ты меня, Саня, лучше к окошку, что на Байкал смотрит, перебазируй, если сможешь, — после некоторого раздумья попросил Василий. — Встать-то я щас сам вряд ли смогу.

— Че, совсем худо тебе, Михальч? — с искренним участием спросил Санек.

— Хуже не бывает... — ответил Василий и хотел махнуть рукой, но она лишь беспомощно свисла с кровати, точно плеть.

— Давай я махом до фельдшерлицы сбегаяю, — в голосе напарника прозвучала неподдельная тревога. — А то окочуришься тут у меня на руках, не дай Бог. Что тогда делать? А она, глядишь, лекарств каких даст — может, полегчает.

— Лекарств, Санек, от старости да от смерти еще не придумано — вот в чем беда. И коль время пришло окочуриться, никуда от этого не деться. Так что, не печалуйся шибко-то. Пожил я, хватит... Передвинь меня к окошку — хочу горами на той стороне Байкала полюбоваться. Какие си-ние они, да прозрачные... Люблю горы. Есть в них и гордость нездешняя какая-то, и величие. А вот сам, смешно сказать, ни разу в горах-то и не был. И теперь уж навряд побываю...

Присутствие человека, волнующегося за него, будто бы прибавило Василию сил. Он, уже не останавливаясь, мог говорить целыми предложениями. И вдохновленный этим, снова обратился к Саньку, копошившемуся у печки.

— Ты меня щас, наверное, вместе с кроватью сможешь передвинуть. Чувствую, полегчал я шибко.

— Сейчас, только чаек заварю — вода уж закипает. Может, в магазин за пряниками сбегать, подкрепить тебя? Или соку какого, яблок купить?

— Не надо, Саня, не волнуйся. Спасибо тебе... Вот чайку свежего с молочком да с медом, — у меня там, в подполье, банка с медом из донника стоит, — попью с удовольствием. Может, белого хлебца кусочек с маслом съем...

Видно, от разливающегося по дому тепла, Василий почувствовал, что и у него внутри вроде потеплело. Он даже попытался приподняться на кровати, и ему это удалось.

— Саня, — позвал он, чувствуя, что долго в таком положении не продержится, — помоги мне на стул перебраться. А ты в это время кровать к окну придвинь.

Пока Василий, держась двумя руками за стул, чтобы не потерять равновесия от головокружения, сидел в углу, Санек перетащил к окну кровать. Потом сопроводил, почти перенес до нее и Василия. Уложил поудобнее. Подоткнул, чтоб нигде не поддувало, одеяло. И только после этого отошел к печи, к напревающему на ней заварнику.

— А ты что в магазин-то собирался, деньги, что ли получил? — слегка повеселевшим голосом спросил Василий.

— Получил, — устало, словно одна лишь безнадега маячила у него впереди, ответил Санек. — Полный, можно сказать, расчет поимел. Аж две тыщи на двоих. Причем, не сам хозяин выдал, а халду свою ко мне выслал. Эта гиппопотамша мне деньги и вручила. Да еще с презрением таким! Будто замараться боялась. Вот эти две бумажки — по тысяче рублей, за которые мы с тобой как негры горбатились. Заработок — чуть больше десятки в день получается, неплохо?.. Я сначала-то не понял, что это — все. Говорю ей, что ты, мол, болеешь, и она мне может твои деньги тоже отдать. Дескать, отнесу, не пропылю по дороге. А она с улыбочкой, гадкой такой, мне отвечает: «А это вам и так на двоих. Что заработали, то и получите. Да еще спасибо скажите, что вообще вам плачу. Вы и на сто рублей не поработали. Бесплезную ямину только выкопали. Ландшафт испортили глиняной кучей своей». Так и сказала, представляешь, «своей»! Забор, дескать, свежеструганный ею заляпали, материала сколько зря извели...» А то, что они сами нам место, где рыть, указали, об этом не вспомнила! Хотел я ей пару ласковых сказать! Да не стал. Че с ней, с ду-

рындой, разговаривать. Не была она никогда в нашей шкуре — не поймет... Запалить бы их всех! Не поверишь — руки так и чешутся... Так что, по тыще мы с тобой всего и заработали. Вот бери свой фантик конфетный.

— Не надо, Саня, — снова будто поплохело ему, ответил Василий. — Себе оставь. Твоя доля как раз и получится. Неполная, конечно, но все-таки... Сам я виноват во всем. Не надо было нам в том месте колодец рыть. Чувствовал ведь, что не будет там воды. И тебя в это пустое дело втянул.

— Так, может, я все-таки сбегая: бутылочку возьму, да закусочки к ней?! — повеселел Санек. — Чего хочешь, говори.

— Ничего, кроме чая. А потом — посплю...

Усадив Василия поудобней и подложив под спину подушку, Санек напоил его.

— Ну что? Ложиться будешь или так посидишь?

Чувствовалось, что ему не терпится сбегать в магазин, шикануть.

— Посажу. На Байкал полюбуюсь. Потом назад как-нибудь сползу. Иди.

— К обеду прибегу. Сгоношу тебе че-нибудь, — пообещал Санек. — Давай выкарабкайся! Ну, я пошел?

Василий только слабо махнул рукой. У него было такое ощущение, что прощаются они с Саньком навсегда.

Гор на той стороне видно не было. Все затянуло грязными, будто нестиранными, плотными тучами.

«Жаль», — подумал Василий. Он любил это время, когда на вершины гор на той стороне Байкала ложился снег, сияющий прекрасной, неземною чистотой. Особенно — в лучах восходящего утреннего солнца.

Он вспомнил, как однажды утром его Люба подошла к окну, отдернула занавеску и удивленно воскликнула:

— Ой, Вася, посмотри, какая красота! Снег на горах упал... А ведь только начало сентября. Не рановато ли?..

Василий подошел к окну, обнял голые плечи жены и увидел на той стороне Байкала совсем другой, загадочный мир: бледно-синие контуры гор в сиянии белых вершин. И Байкал был тоже синий, только в отличие от гор он синел глубокой, густой, нелетучей синевой. И чувствовалось, что день вызревает солнечный, прозрачный, радостный, какие частенько бывают на Байкале в сентябре.

— Я печь подтоплю, — сказал он Любе, поцеловав ее сзади в открытую шею. — Да и ты босая, в одной сорочке, у окна не стой — по полу вон как прохладой несет. Видно, забыл вчера на ночь отдушину закрыть.

— Подтопи, — как будто издалека отозвалась она, продолжая любоваться этой спокойной, извечной красотой. А потом вдруг раскинула руки, крутанула головой с распустившимся от этого крылом светло-пепельных волос и мечтательно проговорила: — Так бы и полетела туда, как пташка!..

Так и запомнилась она Василию: босая, в белой полотняной ночнушке, с распущенными волосами и раскинутыми в стороны, — словно готовилась обнять весь мир, — руками.

А с некоторых пор уверился Василий, что чистая ее душа именно там и витает, среди этих сияющих вершин. И ждал этого времени всегда, как встречи со своею милой Любушкой-голубушкой. Порой ему даже казалось, что чистота недоступных человеку снегов зовет его к себе, притягивая не только взгляд, но и все его существо, стосковавшееся в разлуке с любимой.

Санек, как и предполагал Василий, не пришел — ни к обеду, ни вечером...

«Загулял, видно, — беззлобно, с безысходной тоской и жалостью к напарнику, подумал Василий. — Пропьет все деньги с местными ханьгами-прилипалами... Наверное, надо было у него тыщу забрать. А потом, позже, отдать... Да, впрочем, какая разница, если удержу в человеке нет. Да и когда позже-то?» — урезонил он себя, вспомнив, как шутил дед Аким, говоря о себе: «Поздновато мне лечиться. Мне уж до смертушки — три пердышки осталось».

Василий принудил себя встать. Налил в пустую кошачью миску молока. Кот тут же соскочил с лавки, стоящей у печи, на которой спал, и стал жадно лакать.

Василий собрался нагнуться, чтобы приласкать кота, но почувствовал, что не сможет удержать равновесия — пол по-прежнему был неустойчив, как океанская пучина.

Василий еще немного постоял у печи, выверяя равновесие, а потом все же нагнулся и проверил: полностью ли прогорела затопленная утром Саньком печь, чтобы на ночь закрыть заслонку. Этот «подвиг» с наклоном и обратным распрямлением вдохновил его, и он заговорил с котом, снова усевшимся на мягкую домотканую дорожку, лежащую на лавке.

— Ну что, Бродя, смотришь, щуришься? Не узнаешь хозяина? Тень одна от него осталась.

Услышав голос Василия, кот довольно и сыто заурчал, пройдя по лавке туда-сюда, потеряв о бессильно опущенную руку хозяина.

— Помру я, наверное, седня ночью, Бродя, — продолжил свой разговор с котом Василий, опираясь одной рукой о еще теплые печные кирпичи и собирая силы для того, чтобы обратно дойти до кровати, а может, и до двери, где стояла кадка с водой. Сильно хотелось пить. — Кто тебя, лежебоку, поить молочком станет? Выбросят небось на улицу, как старую тряпку. Никому мы с тобой, Бродя, уже такие не нужны. Даже державе нашей, поскольку не можем теперь в трудную минуту ее своим плечом подпереть...

Василий закрыл печную заслонку. По стеночке, тихонько доковылял до кадки с водой, стоящей на лавке у двери. Попил вкусной колодезной воды, зачерпнув почти полковша.

— Эх, хороша водичка, — негромко крикнул Василий, чувствуя, как ее струи будто растворили внутри него какую-то маятную черноту или загасили готовый вот-вот вспыхнуть огонь.

Он опустил деревянный ковш обратно в кадку, обратив внимание, как тот, зацепившись крючком ручки за край бочонка, плоским дном слегка взволновал зыбкую темную гладкость воды, глядя на которую, как сейчас, в сумерках, невозможно было угадать: то ли вот совсем рядом дно бочонка, то ли dna в ней вообще нет. А все идет одна глубина, глубина...

«Вот так и мы все. Цепляемся одной рукой за жизнь, а другой тщимся раздвинуть горизонт, чтобы поглядеть, а там-то, за ним, что?..»

Василий уже увереннее дошел до кровати и, усевшись на нее, переделся в чистое исподнее белье, которое по его просьбе еще утром достал ему из комода Санек, положив рядом с кроватью на стул.

— Да ладно, Бродя, не печалуйся — может, глядишь, еще и не помру. Нельзя же мне пока помирать. Не время. На одних Саньках держава долго не продержится, ослабеет.

Посидел на краю кровати весь облитый лунным светом, проникаю-

щим в окна без занавесок и чувствуя приятную прохладу чистого полотняного белья.

«Как после бани!» — блаженно и в то же время с неизъяснимой тоской подумал Василий. И вспомнил, как он любил после парной обливаться холодной водой прямо из колодца, что недалеко от баньки, под навесом...

Колодец этот в их дворе, некогда большой и шумной семьи, вырыл еще дед Аким, взамен старого, вода в котором была солоновато-горькая и который стоял далеко от дома, у дороги.

Больше всех тогда вкусной воде радовалась баба Ксения. Она и уговорила Акима вырыть им колодец, который по ветхости здоровья, по его же собственным словам, уже отказывал всем, просившим его об этом.

Бабе Ксении он не отказал.

Тогда за веселым столом и возник разговор оженить бобыля Акима и вдовую с войны бабу Ксению. Кто-то предложил это между прочим, между чарками.

Тогда-то дед, внимательно посмотрев на бабу Ксению и увидев, как она вся встрепенулась, отшутился запомнившейся по сю пору Василию шуткой, сколько тому до смертушки осталось...

«Где теперь все это? Шум весь этот. Веселье! Жизнь людская. Мать, отец, бабушка. Постоянная какая-то родня. Особенно летом... И почему нам жизнь преподносит к своему концу единственный неоспоримый урок, суть которого состоит в одной лишь фразе: «Как невероятно быстро все минует...»

Василий еще немного посидел, раздумывая, не выпить ли ему еще воды, но, поразмыслив, решил не транжирить силы.

«Может, ночью на двор придется выйти», — подумал он и повалился в кровать, вытянувшись под одеялом и прислушиваясь к своим ощущениям.

«Ведь не болит ничего, а просто будто свеча истаивает», — в очередной раз поразился он своему неведомому недугу.

В своей жизни он почти ни разу — не считая дифтерита в детстве — серьезно не болел, а потому о болезнях ничего не знал. И как вести себя во время них, не ведал...

Утром он проснулся и почувствовал, что дом изрядно выстудило.

Немного полежал, прислушиваясь к гулкой тишине и напряженной затаенности внутри себя.

Было необычайно тихо. И только за стенами дома слышался едва различимый легкий шорох.

«Снег идет, — догадался Василий. — Раненько что-то нынче...»

Он приподнялся на локте и увидел, как за окном косо скользят крупные хлопья снега. А редкие, но резкие порывы ветра добавляют к этой величавой белой картине немного желтизны и беспокойства от сорванных с березы листьев, улетающих куда-то далеко.

«Надо бы печь затопить, — подумал Василий, — да поесть чего».

Он почувствовал, что голоден. И это его обрадовало. «Авось, выкарабкаюсь!»

Сунув ноги в обрезанные валенки, Василий, шаркая по полу, направился к печке... «Хорошо, что Санек вчера дров с запасом принес».

Затопив печь, он с удовольствием попил холодного молока с черным хлебом.

Чувствуя распространяющееся по дому тепло, снял шинель и забрал-

ся под одеяло. И только с кровати заметил взъерошенного кота, стоящего у своей пустой миски.

— Эх, тебе-то я ниче не дал, — сказал вслух Василий. И порадовался тому, что голос у него уже не так тих и беспомощен. — Ну, погоди маленько. Полежу чуть, да рыбки тебе из ледника принесу, оттаю, поешь. — И уже почти засыпая, проговорил, будто кто нашептал ему это.

— Не ведаешь ты, Бродя, что у человека, по-настоящему, только две задачи. Достойно жить и достойно умереть...

Заснул Василий быстро и крепко. И ему снились светлые сны. И, видно, не желая с ними расставаться, он проспал почти сутки сном сильно уставшего, но здорового человека.

На следующее утро Василий проснулся от того, что кот громко и жалобно мяучит и скребет в дверь, просясь наружу.

Выпустив его, Василий взглянул в окно и увидел синие горы и сверкающие в утреннем солнце белые вершины.

«Точно, как тогда, и в тот же день — седьмого сентября. Только без Любы. И неужели уже тридцать лет прошло?..»

Он еще немного постоял у окна и решил, что теперь все будет хорошо...

— Ты меня пока не торопи. Подожди еще немного. Встретимся... — тихо сказал он. Не то молодой, веселой и красивой Любе, не то кому-то неведомому и невидимому, подножием которому служат эти далекие сияющие вершины. — Дела у меня еще тут, понимаешь...

Санек в это время сидел в просторной грязной кухне какого-то барака в окружении таких же неухоженных, неопределенного вида мужиков и баб, улыбающихся ему редкозубыми ртами, и вещал.

— Помирает Михалыч — золотой души человек, — чуть ли не слезу давил он из себя. Правда, слезу пьяную, а значит, и не совсем искреннюю, напоказ, да и больше жалея себя: за непутевость, за жизнь-паскудину, за то, что красоты в ней, о чем мнилось в молодые лета, нет. — И, главное, от чего помирает-то?! — снова напирал он, возвышая голос: — От обиды за несправедливость... — тишел Санек голосом. — А может, и помер уже! — тряхнув головой, словно смахивая с себя одурь, сказал, будто потухая. — Приду щас к нему, а он — уж холодный...

Собутыльники, собравшиеся здесь изо всех гнилых углов поселка на дармовую выпивку (по-настоящему их интересовало только одно — когда будет следующий розлив, которого они, пока не отключались, ждали с нескрываемым нетерпением), по-прежнему бездумно улыбались. «Светя» в полумраке кухни, кто старыми, уже желтеющими, а кто новыми, синими, «фонарями» под глазами. Едва, впрочем, различимыми на сероватой нездоровой коже измятых и разбухших, как окурки в луже, лиц.

Собутыльники Санька не знали, что две литровые бутылки «хорошей водки», ибо они обычно пили одеколон, «на помин души Михалыча» выдал Саньку хозяин сухого колодца. Которого тот случайно встретил у паррома, отправившись в ларек за очередной бутылкой дешевой водки и которому тут же начал «качать права», требуя немедленной справедливости и обильно «унавоживая» свою громкую речь отборным и витиеватым матом. При этом от злости впадая вдруг в меланхолию, он, почти уткнувшись своим носом в лицо хозяина, сбивчиво, перескакивая с пятого на десятое, говорил о том, что колодезник от Бога помирает, понимаешь, из-за таких... Каких, он определить сразу не смог и замолчал, соображая, как бы похлеще выразиться.

В эту самую минуту хозяин, поспешно достав из багажника стоящего рядом джипа две литровые бутылки водки, сунул их ему в обе свободные руки. Может, и для того, чтобы он ими меньше размахивал, а может, и для того, чтобы не пустил их ненароком в ход. И, видимо, не совсем поняв сбивчивую речь Санька, участливо произнес: «Помяни Василия Михайловича, Александр...»

— Да ты че?! Он помер, что ли?! — опешил Санек.

Но Эдуард уже не слушал его. Он поспешно сел в машину, на всякий случай заблокировав дверь, и переехал на подошедший к причалу паром, который через минуту отчалил, увозя и Эдуарда, и его джип, и еще несколько машин, светящихся красными, тревожными габаритными огнями, на другую сторону Ангары, будто разделяя черной вечерней, тяжелой, маслянистой водой эту грязную и какую-то некрасивую жизнь, с другой — светлой и красивой, как казалось Саньку, жизнью...

Он еще немного постоял у причала, глядя на удаляющийся паром и до конца не определив: радоваться ему или продолжать злиться на то, что «вот, мол, откупился, гаденыш, двумя литрами водки. А жизнь человека — сгорела, как сухая лучина...»

Он и сам уже теперь почти верил в то, что Михалыч помер...

Так и не решив, какое настроение выбрать, он снова направился в поселковый бичевник, к Косте-кочегару, где уже несколько дней, а может, и неделю, гулеванил с кем попало, решив к концу дороги, что все-таки — это удача: шел в ларек за дешевой бутылкой «катанки», а поимел два литра водки-экстра.

— Ну, давайте за Михалыча, — обвел Санек туманным взором своих собутыльников. — Колодезник от Бога! — добавил он веско.

Собутыльники, скроив скорбные лица, согласно закивали головами, хотя, по большому счету, им было все равно, за что и за кого пить — лишь бы наливали, а там — хоть за черта лысого рванем!

Опрокинув очередную стопку и в очередной раз поискав на столе и не найдя никакой «закуски», Санек, закуривая папиросу, продолжил уже торжественно:

— Вот когда мы с Михалычем на пользу людям (эта часть фразы казалась ему наиболее весомой) рыли колодцы...

Из его возможных слушателей кто-то уже спал, уткнувшись щекой в стол и приклеив к ней окурок; кто-то недоуменно взирал на оратора, не понимая уже ни того, кто он сам, ни того, кто это перед ним, ни того, где все это происходит и почему он оказался здесь...

Еще издали, подходя к дому Михалыча, Санек заметил весело струящийся из трубы дымок.

«Живой!», — с надеждой подумал он и зашагал быстрее, похрустывая тонким ледком схватившихся за ночь луж.

Утро было прекрасное. Сухое, солнечное, чистое.

Внизу ярко синел Байкал. Заплаткой на нем виднелся парус.

На той стороне Великого озера высились горы с белыми вершинами. На этой — яркими цветами горела осень.

«Рождество Пресвятой Богородицы седни...»

Эту фразу он услышал от двух аккуратных старушек, неспешно, как уточки, переваливающих на нетвердых ногах и рассуждающих о чем-то своем.

— Живой! — воскликнул Санек, войдя в дом Василия и видя, как тот что-то готовит у стола.

— Как видишь, — улыбнулся Василий. — Садись, чаевничать будем. Я чаек славный заварил, с травками!

За чаем Василий спросил Санька, как бы между прочим:

— Пойдешь со мной в ноябре, когда водоносы малость схватятся, в Листвянку, колодцы рыть? Три заказа есть.

— Пойду, Михалыч, — согласно и виновато потрянул чубатой головой Санек. — Ты мне только больше все деньги не отдавай... Сопьюсь. А че в этом хорошего-то? — не то спросил, не то подтвердил он свои затаенные мысли...

— Это точно, ничего хорошего в том нет, — эхом отозвался Михалыч, с удовольствием прихлебывая горячий чай с черничным вареньем.

